

Польских Г.

1987. 28/9

ПРАВДА

28 СЕН 1987

По Стране Советов

28 сентября 1987 года

№

◆ ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

СЕКРЕТ ПРОСТОТЫ

Актриса Галина Польских... Какая она? Хотите знать?

Да именно такая, какой все мы ее представляем! Экран за многие годы приучил нас

к образу обаятельной русской женщины, доброжелательной и скромной. И пусть она играет несхожие роли, сущность ее личности «светится» в каждом фильме.

Надо сказать, происходит это не стихийно, не само собой, а в полном согласии с нравственными и эстетическими устремлениями актрисы.

— Конечно, — признается она, — и мне приходилось иногда создавать образы, чуждые моей натуре. Я старалась внести в эти работы весь свой актерский опыт, технику, нарабатанную годами, разнообразными жизненными наблюдениями, и играла, по-видимому, не так уж плохо. Порой даже рождалась профессиональная гордость: могу! Но в этих случаях я именно играла, а подлинную творческую радость испытывает актер, когда не играет, а живет в образе, когда силой воображения делает себя как бы двойником своего героя. Такое, однако, возможно при обязательном условии: если сам образ и его исполнитель — люди, близкие по духу, люди «одной группы крови»...

Начало пути — «Дикая собака Динго». Юная Таня, сыгранная четверть века назад актрисой-студенткой, покорила своей непосредственностью. Свидетельство тому — первая премия фильму на международном кинофестивале в Венеции (Золотой лев св. Марка и специальная награда жюри — «Золотая ветвь»).

Теперь, через много лет, Галина Александровна со всей серьезностью анализирует тот успех и приходит к выводу, что... все начиналось с Герасимовой.

— Встреча с Сергеем Аполлинариевичем — это был «счастливый билет». Как было лестно, что маститый режиссер заметил и отметил меня еще тогда, в студенческие годы! Ведь сама я в то время мало что понимала. Только юношеская одержимость, страстное желание стать актрисой. А как? Актерство — это труд. Прежде всего труд души — труд познания жизни и самопознания. У Герасимовой мы быстро избавлялись от иллюзий «красивой» или легкой жизни — он учил нас жить достойно. А это включало в себя драгоценное умение соизмерять свои силы с возможностями. И никаких себе поблажек: самый строгий судья актера — ты сам. Усвоив эти уроки, мы могли пуститься в самостоятельное плавание...

Это плавание, запомнившееся не только ей, но и зрителям, стало для Польских, в общем-то, счастливым. Не забылись такие фильмы, как «Я шагаю по Москве» (Алена), «Журналист» (роль Шуры Окаемовой автор сценария и постановщик С. Герасимов писал в расчете на ее исполнение), «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» (мама), «Портрет с дождем» (Клавдия), «Фронт без флангов» и «Фронт за линией фронта» (медсестра Зиночка), «Белые росы» (Маруся), телевизионные картины «Лестница» (Лена) и «Тени исчезают в полдень» (Клавдия)...

Впрочем, «послужной список» слишком велик. Он впечатляет, хотя, кроме бесспорно значительных ролей, в нем найдутся и проходные, сыгранные в малоудачных фильмах. Вина ли это актрисы или ее беда? Галина Александровна отвечает на такой вопрос однозначно:

— Казнюсь и буду казнить себя плохими картинами, в которых довелось сниматься. Это случалось по разным причинам: то устанешь от долгого простоя, то легковмерно отнесешься к невразумительному сценарию (надеешься, что режиссер «дотянет»), а то и просто не хватит духа отказаться, когда тебя так старательно уговаривают. Но, если называть вещи своими именами, все это — малодушие, слабхарактерность, которых нельзя не стыдиться...

Странно слышать признание в слабости характера от этой очень серьезной и собранной женщины. Но ее взыскательность, порой беспощадность к себе в сочетании с доброй открытостью и приязнью к другим, они-то и определяют характер художника, так обаятельно выразившего себя в искусстве.

Творческая удача, эта капризная и своенравная «госпожа», ожидала ее на разных и не всегда предсказуемых перекрестках, в десятках женских образов — лирических, комических, трагических, героинь суматошливых, забавных, строгих, страдающих и сострадающих, удачливых и обманутых жизнью.

— Знаете, — говорит она, — актер не имеет права работать вполсилы на съемочной площадке, будь то у мастера или у дебютанта — безразлично. В

сложном кинематографическом процессе каждый должен чувствовать себя одним из авторов фильма.

И тут наша беседа поворачивается в другую сторону — речь заходит о современном кинематографическом процессе. Как он меняется, чувствуется ли на студиях перестройка? Что думает актриса о тех переменах, которые происходят после недавнего съезда кинематографистов?

— Если честно, — говорит Польских, — меня не покидает ощущение, что разговоры о перестройке зачастую обгоняют конкретные дела. Хотелось бы наконец видеть, что съемки теперь идут организованней, меньше беспорядка и неразберихи, больше заботы об актере, об условиях его труда и бытовых нуждах. Но, к сожалению, я не заметила этого ни на одной из студий, хотя прошло уже полтора года. Звучат слова «новая модель», «хозрасчет», «самоокупаемость», но они лишь доносятся до нас откуда-то с верхних эшелонов кинематографа. Низвергаются старые авторитеты, на их место выдвигаются новые, и кое-кого, по-моему, слишком поспешно зачисляют в гении.

По-прежнему плохо обстоит дело с кинотехникой, она безнадежно устарела. А уж о пленке и говорить не приходится — сколько творческих усилий, порой интересных находок летит в корзину из-за брака пленки! Наконец, не заметно, чтобы кто-либо заботился об актерах, о нашем быте, особенно в условиях киноэкспедиций. Говорить о человеческом факторе научились многие, а вот беречь людей от работы на износ (причем без всякой разумной необходимости) никак не научимся. Но ведь всего этого и требует перестройка!

Думается, продолжает моя собеседница, что вина здесь ложится не только на руководство, но и на каждого из нас. Много мы разводим руками, ворчим, критикуем по коридорам, а сами сидим и ждем, что кто-то явится и все у нас перестроит. Наверное, так дело не пойдет... Может быть, я в чем-то и не права, может, нельзя судить только по собственным впечатлениям. Но тогда почему же не сделать хороший опыт достоянием широкой гласности, чтобы о нем знали все коллективы? А то ведь все живут отъединенно, словно на островах — каждое творческое объединение само по себе, каждая группа тоже, а коллективы разных студий — тем более. Мало, слишком мало у нас «роскоши человеческого общения» — и творческого, и организационного, и всякого иного...

Она на минуту задумывается, затем продолжает:

— А ведь сейчас самое время не только на собраниях и пленумах поговорить и подумать вот о чем: то ли мы делаем кино, которое нужно людям? Понимаю, что им нужно разное, непохожее, потому что и зрители неодинаковы — по уровню культуры, по вкусам и духовным запросам. Но мне, например, все же не по душе фильмы изысканные, нарочито усложненные по форме, когда мысль зашифрована, как в ребусе, который слишком утомительно разгадывать. Не секрет, конечно, что мы перенасытили экран невыразительными, примитивными лентами и нынешнее «трудное» кино — не что иное, как реакция на серость, безликость, шаблон. Но нет ли опасности уйти в другую крайность, забыв, что все истинно великое в искусстве просто? И что эта простота и есть великое завоевание мастерства, виртуозности художника?

Задавать Галине Польских банальные вопросы о ее увлечениях или о том, как она отдыхает, просто нелепо. Потому что кино для нее — все. Сама жизнь. Та реальность, в которой она существует, и то божество, которому самозабвенно служит.

— Взять в руки чемоданчик и отправиться отдыхать? Такого в моей биографии не было!

Если ее упрекают в актерской жадности, она удивляется. Ведь для актрисы играть — как дышать! Тем более что время летит быстро, и то, чего не сыграешь сегодня, завтра играть уже будет поздно.

Кстати, о возрасте. Придет же когда-то час отказаться от ролей молодых героинь. Как относится актриса к такой перспективе?

— Знаю одно: мне претит, когда иные из нас лихорадочно цепляются за свое прошлое, идут на особые косметические ухищрения, надеясь обмануть природу. Зачем? Нужно быть готовой перейти на новый возрастной «этаж». Разве так называемые возрастные роли дают актрисе меньше возможностей выразить себя в искусстве? А если я о чем-нибудь и жалею, так это только о том, что не связала свою судьбу еще и с театром. Теперь понимаю: много от этого потеряла в чисто профессиональном смысле. Но в молодости казалось, что работа на сцене была бы чуть ли не предательством, изменой кино, которому мы во ВГИКе присягали на верность. Где уж нам было в те времена осознать, что кино и театр — это сообщающиеся сосуды, что в современном искусстве они не могут и не должны жить изолированно друг от друга.

Однажды в одной из зарубежных поездок Галине Польских вместе с Марианной Вертинской и Людмилой Савельевой довелось побывать у Федерико Феллини. Было шум-

но и весело, подруги наперебой расспрашивали о чем-то Джульетту Мазину и маэстро, рассказывали о наших кинематографических новостях. Она же как-то оробела и помалкивала, прижавшись к спинке стула. Казалось, прославленный режиссер и не глядел в ее сторону. Но вдруг, обернувшись, улыбнулся и сказал:

— А в этой актрисе есть какая-то тайна!

Что он имел в виду? Вряд ли он был знаком с ее творчеством. Романтичная, чистая, юная Таня, чуть лукавая продавщица Лена, бескорыстная и доверчивая Клавдия, не уставшая делать добро, или самоотверженная медсестра Зиночка — Феллини всего этого, наверно, не видел. Но чутьем большого художника он разглядел в ней талант неиссякаемой женственности и тайну простоты, которая заложена в Польских как бы генетически и счастливо угадана теми, кто вел ее по пути искусства.

Может быть, он понял также, сколько в ней таится еще нереализованных возможностей, и как раз это назвал ее тайной?

Кто знает... А сегодня у актрисы есть одна заветная мечта. Она ее не таит, высказывает открыто, с надеждой:

— Хороший сценарий! Как ее понимаете!..

Ф. МАРКОВА.